

ности, и по множеству предметовъ, я за всѣми моими усиленными занятіями скоро окончить производство слѣдствія не могу». Губернаторъ торопилъ слѣдователя и писалъ ему, что на него жалоба за то, что онъ, когда снималъ допросъ съ Елизаветы Оловяниковой, ея сестры и другихъ женщинъ, проживавшихъ въ то время въ усадьбѣ, то велѣлъ въ сосѣдней комнатѣ звенѣть кандалами и угрожалъ допрашиваемымъ, въ случаѣ ихъ заpiresательства, наложеніемъ кандаловъ. Чтобы разслѣдовать эту жалобу, въ усадьбу Оловяникова губернское правленіе посылало своего совѣтника Щиголева. Была на Тимченкова и другая жалоба, будто бы онъ перепачкалъ кровью отъ убитого пѣтуха подушки покойнаго Оловяникова и въ такомъ видѣ внезапно показалъ ихъ Елизаветѣ, чтобы она призналась въ убійствѣ.

Въ половинѣ 1832 года весь составъ щигровскаго земскаго суда, исправникъ и стряпчій, производившіе первое слѣдствіе, были преданы суду уголовной палаты. Губернаторъ Демидовъ потребовалъ отъ члена врачебной управы Ев—а отвѣтовъ на «вопросные пункты» по Оловяниковскому дѣлу. Ев—ъ отвѣчалъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ.

«Къ дѣлу о смертномъ убійствѣ Оловяникова,—писалъ онъ,—я привлекаемъ быть не могу, потому что злодѣйство то произведено за 40 верстъ отъ меня. Слѣдователь совершенно напрасно сталъ дѣлать розыскъ обо мнѣ, какъ будто государственномъ злоумышленникѣ, самъ придумывалъ неосновательныя подозрѣнія и другихъ приводилъ къ бездоказательнымъ, злословнымъ и даже поносительнымъ навѣтамъ на меня. Съ своей стороны на его «вопросные пункты» я отвѣтовъ не дамъ, потому что многіе изъ вопросовъ слѣдователя не только съ законами, но и съ разсудкомъ не согласны и даже смѣхъ и хохотъ въ себѣ содержатъ».

Тогда отъ Ев—а потребовало показаній курское губернское правленіе. Ев—ъ въ томъ же духѣ отвѣчалъ и этому присутственному мѣсту. Оно сдѣлало новый запросъ. Полицеймейстеръ ѣздилъ къ Ев—у, а тотъ и знать ничего не хотѣлъ, отговариваясь и отписываясь. Въ это время сынъ Оловяникова—Виссаріонъ, учитель и поваръ находились въ тюрьмѣ, а Елизавета на свободѣ. Она выдала полную довѣренность на управленіе имѣніями мужу, а тотъ вскорѣ долженъ былъ по частямъ закладывать ихъ; видимое дѣло, что для устраненія висѣвшей надъ головою грозы приходилось Елизаветѣ направо и налево расточать взятки.

Какъ бы ни было дѣло, въ концѣ 1832 года слѣдствіе было закончено, и слѣдователь, по представленію П. Н. Демидова, за свои труды получилъ высочайшую награду—орденъ св. Станислава 4-й степени. Между тѣмъ едва успѣлъ Демидовъ, переведенный въ другое мѣсто, выѣхать изъ Курска, какъ курская уголовная палата признала слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Оловяникова «непол-